

Юрий Буковский
Логанчик Миша

Проза

Юрий Буковский
Логанчик Миша. Проза

«Издательские решения»

Буковский Ю.

Логанчик Миша. Проза / Ю. Буковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503385-7

В книге собраны прозаические произведения автора. Два из них — документальный детектив «Конец сигаретного барона» и пародия на киберпанк «Последний день Птеродактиля» — уже публиковались в периодической печати и других изданиях. Остальные — мистический рассказ «Плоскогорье», небольшая повесть «Логанчик Миша» и очерк «Мы — малая Россия!» — публикуются впервые.

ISBN 978-5-00-503385-7

© Буковский Ю.
© Издательские решения

Содержание

Плоскогорье	6
Логанчик Миша	10
1	10
2	13
3	16
4	18
5	21
6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Логанчик Миша Проза

Юрий Буковский

© Юрий Буковский, 2019

ISBN 978-5-0050-3385-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плоскогорье Мистический рассказ

Ёлки Толик пилил без всякого сожаления. И более того: не только угрызения совести не заскреблись на сердце у Толика, но даже наоборот – после каждой упавшей ёлочки, словно детский, воздушный, праздничный шарик от выдоха, раздувалась в его груди гордость. Как будто от сознания верно и с чувством исполненного долга.

Ёлки были посажены три года назад в ровный ряд позади обширного, в царские времена, и по-царски ещё отмеренного дачного участка – там, где он обрывался в глубокий овраг. Посадил их приятель Толика, обожавший приезжать к нему на дачу. В отличие от хозяина, своего ровесника, и в девятнадцать лет казавшегося мальчишкой, он выглядел мужчиной – солидным и рассудительным. И посадил гость ёлки, как сам он объяснял, из-за своей любви к красоте и для укрепления края оврага. Но, как потом выяснилось – от глупости.

Потому что у края оврага всегда росла только трава. Её даже нарочно подкашивали, чтобы она кустилась гуще. Земля под травой переплеталась тысячами живых и мёртвых корней, и многолетний дёрн этот не размывало ни дождями и ливнями летом и осенью, ни талой водой весной.

Но, тронутый штыком лопаты, край оврага начал понемногу оседать, проваливаться небольшим уступом. В густой тени, под разлапистыми ёлками, трава не росла, и корешков не было. Поэтому при каждом дожде и таянье снега земля понемногу смывалась в овраг, и уступ тоже понемногу, совсем по чуть-чуть, но неуклонно оседал всё ниже и ниже. И участок стал почти на полтора метра короче.

Да и красоты, как оказалось, посадка ёлок не прибавила вовсе. Хотя выросли они и впрямь неплохими – стройными пирамидками, как на городских площадях, одни выше, другие короче. Но малахитовая, парадно-аллейная зелень их, начала заслонять другую – жемчужно-зелёную, прозрачную и привычную. Всё детство своё, приезжая летом на дачу, видел Толик, поднимающуюся из оврага, ольховую и черёмуховую шапку. Деревья тянулись вверх со дна оврага и с низу, со склона, противоположный берег был невысоким, и сквозь ажурную вязь ветвей, и причудливый узор листьев, сквозило светлое голубое небо. Справа, соседние сады тоже ниспадали вниз, под горку, к извилам бегущей по равнине реки. Слева, также чуть ниже участка, до черты дальнего леса тянулось просторное, ровное поле, служившее спортсменам-парашютистам для приземления во время прыжков. И с обратной от оврага стороны, перед домом, край этого поля, загибаясь, полого устремлялся вниз, в полукружье речной долины. И сказочной детской фантазией Толик всегда мог представить, что стоит он на маленьком плоскогорье, и облака плывут от него совсем близко.

Пилилась сочная весенняя древесина легко. Ёлки вытянулись примерно в полтора-два Толиковых роста, и чтобы завалить любую из них нужно было всего лишь подрезать ножовкой снизу её тонкий ствол, и, взявшись у верхушки, потянуть за него. Но расправлялся Толик с ёлочками как со взрослыми деревьями: вначале делал надрез ближе к оврагу, затем начинал пилить ствол чуть ниже и с другой стороны – так, чтобы зелёная красавица сама, как на лесоповале, закрипев ломающейся древесиной, упала в нужную сторону – на участок.

Завалив всех десятерых красавиц, Толик за комли оттащил их к чёрному кострищу за яблонями, у забора, где всегда переводили в пепел всяческий сгораемый хлам. Он спешил. Приятель, вроде бы, в эти дни заявляться не собирался. Но вдруг? Ссоры Толик, по трусоватой доброте своей, не желал.

Пока огонь укреплялся заготовленным заранее сушняком, он отрубил от стволов ветки и макушки. Получилась малахитовая гора елового лапника и десять недлинных жердин.

«В хозяйстве сгодятся», – по-крестьянски прикинул Толик, и, подцепляя ногтями, снял с жёрдочек гибкую молодую кору лентами. Оголившаяся древесина была светящегося изнутри янтарного цвета и липла к ладоням. Он лизнул пару раз освежающие язык сладкие стволы и отнёс их в сени дома сохнуть.

На обратном пути в дверях Толик остановился и глянул с заднего крыльца в сторону оврага. Перед ним расстилалась знакомая с детства картина: поднимающиеся из оврага белые черёмуховые купола, и за ними лазурное северное небо.

Были, правда, в этой картине и некоторые, по сравнению с детством, изменения. В дальнем правом углу участка поднимался молодой дубок, да вдоль обрыва взводом торчали высокие, с полметра, тонкие пеньки. Длинными Толик оставил их с умыслом, собираясь соврать приятелю, что погубили посаженные им ёлочки, местные жители, подбираясь к ним в тулупах и валенках, с пилами и топорами по глубокому снегу под новый год.

Толик прошёл в сад к еловым пенёчкам, смёл с них ладонью в траву остатки кремowych опилок, и, чтобы обман выглядел ещё более правдивым, вымазал свежие срезы землёй. Так легче можно было бы убедить приятеля, что его ёлками украсили местные жители свои дома в новогодние праздники, и даже предъявить в доказательство потемневшие, якобы за полгода, высокие пеньки.

Костёр уже пылал вовсю. Толик набросал на огонь лапник и через мелкую сетку иголок повалил густой белый дым. Это был не дым даже, а пар, туман. Толик постоял в нём. Он не ел глаза и запах его был запахом смолы и свежести. Источали туман множество подсыхавших от жара иголок. Они желтели, скрючивались, а затем вспыхивали, потрескивая, высоким пламенем, на которое Толик тут же снова набрасывал тяжесть зелёного лапника.

Молочная пелена, клубясь над костром не поднималась в небо, а стелилась по саду, и, обволакивая одну яблоню, затем другую, уплывала в овраг. Туман не пропадал, не рассеивался – висел в воздухе, покрывая неровным клином, сад и овраг. Слабый ветерок, сдувавший пелену от костра, начал понемногу поворачивать, и туман стал растекаться правее от яблонь, к дубку, и облако стало шире.

Толик, торопясь, всё подбрасывал лапник в огонь. А дуновение ветерка всё разворачивало растекающийся дым. И вот уже четверть горизонта закрылось облаком. Туман заструился вниз по улице, в долину реки, накрывая сады, огороды, цепляясь за ветки деревьев, за трубы, за крыши домов.

Снизу из облака послышались приглушённые женские голоса. Они зазвучали громче, и Толик увидел за забором, близ незатянутой пока пеленой калитки, два бледных женских платка. Войти в посторонний сад женщины не решились. Толик сам по дорожке приблизился к ним. Это были веснушчатая тётя Нина и подруга её, недавно умершая Зоя. Они спросили с тревогой, что горит. Толик объяснил им, что жжёт ёлки с края оврага и женщины, успокоившись, ушли.

А облако всё увеличивалось. С аэродрома за деревней поднялся пожарный, с оранжевым рыбьим брюхом, вертолёт. Надрывно жужжа, он забирался всё выше и выше, пока не превратился в бесцветную муху. Из мухи выпали несколько чёрных точек и устремились вниз. Десант, скорее всего, отрабатывал затяжной прыжок. И когда за парашютистов стало совсем уже страшно, захлопали белые простыни куполов и пожарные поплыли, покачиваясь на лямках, к земле.

Всех их сдуло в долину реки, в казавшееся ватным, наверное, сверху облако. Но один десантник вышел вскоре снизу из мари. Он открыл боковую калитку, и напрямик, прихрамывая и переступая через цветы и грядки, приблизился к костру. Пожарный был молодой, чуть старше Толика, в каске, с топориком на поясе, в брезентовых, вымазанных сажей штанах и куртке. На груди его полосатился углом десантный тельник. Лицо тоже было в саже, и глаза от дыма и огня глядели воспалённо. Он посмотрел, как Толик подкидывает лапник в костёр,

и спросил, есть ли у него ведро с водой. Ведро стояло у Толика вверх дном, он на нём сидел, когда отдыхал. Толик насмешливо ткнул в него пальцем, и пожарный, зло сплюнув, поковылял, хромя, обратно через калитку в облако. Толик, опомнившись, кинулся за ним вслед, крикнул, как же они там, внизу, без кислородных масок. Но парень только махнул рукой – не твоё, мол, дело, как-нибудь.

Толик знал уже, что ветер повернёт ещё немного, так, чтобы облако закрыло полгоризонта, и костёр потухнет.

Он вытащил из кармана припасённую тонкую капроновую верёвку, взял ведро и направился в угол сада. Там он поставил ведро рядом с дубком, взобрался на него, накинул верёвку повыше, поверх расхोдившегося пучка сучьев, затянул вокруг ствола петлю и спрыгнул с подставки. Затем, отойдя от дерева, подёргал за тягу – ствол и верёвка пружинили. Теперь можно было подпиливать и это дерево, и дёрнув за капрон, уложить его на землю точно между кустов смородины, не поломав их.

Пилить дубок, как и ёлки, тоже надо было обязательно. Хотя причина была другая, и приятель, давно советовавший это сделать, похвалил бы его. Длинная тень от дубка на восходе, после прохладной северной ночи, уже сейчас, медленно проползала вначале по жёлтой, редкого сорта малине, затем по кустам чёрной и красной смородины, закрывая ягоды от наливавшихся их сахаристостью, тёплых лучей. А что будет, когда дубок вырастет? Тень его протянется до огуречного парника, до грядок с земляникой и зеленью.

С ножовкой в руке Толик встал на четвереньки, собираясь спилить деревце под самый корень. Он уже поднёс острые железные зубья к стволу, но представил, как завьётся сейчас в тонкую стружку от одного его движения молодая, серая, нежная кора, и кровь отхлынула у него от щёк и ото лба, как отливала обычно, когда он видел разрез на своей или на чужой коже. Толик отложил ножовку, вернулся с ведром к костру, и уселся на него, уставившись в дым.

Он почувствовал, что кто-то смотрит на него. Толик обернулся и с трудом разглядел, около затуманенной уже немного калитки, льняную детскую головку. Он подошёл ближе и увидел мальчика – сутуловатого, узкоплечего, в синем, выцветшем, вытянутом на локтях и коленях трикотажном костюме, с неровно подстриженной в станционной парикмахерской, чёлкой. Мальчик привычно влез рваным сандаликом на нижнюю перекладину калитки, перегнулся через острые углы штакетника, крутанул на гвозде деревянную задвижку, калитка отворилась, и он въехал на ней в сад. Малыш засмеялся, спрыгнул со своей маленькой карусели, подошёл к Толику, ухватил его потной ладонью за два пальца и повёл из сада на улицу, в облако.

Старинная, мощёная отглаженным за сотни лет подмётками прохожих булыжником, с высокими деревьями по бокам, улица, из-за тумана выглядела похожей на ту утреннюю, августовскую, которой Толик тащился бывало в детстве, сонный, в лес за грибами. Лишь туман теперь, через много лет, лежал гуще. Да не чувствовалось росистой прохлады. И не слышалось рассветного птичьего и петушиного гомона. И никто не спал: во дворах хлопотали живущие ещё и давно уже умершие люди.

Мальчик привёл его к посеревшей от дождей и холодов избушке, где когда-то, в давние времена, снимали дачу его родители. Загорелые, они пили чай на покосившейся открытой веранде и беседовали о чём-то, смеясь. За верандой, близ сарая, хозяйка дома, седая, замшелая тётя Паша ворошила молодую зелёную траву, скошенную для своей коровы ночью, в болотце, тайком от властей. Толик крикнул ей: «Здравствуйте, тётя Паша!» Звук его голоса завис в пелене. Но тётя Паша расслышала, подняла голову и улыбнулась ему старческим, с одиноко, как у яги торчащим клыком, ртом.

В саду, в гамаке, натянутом меж двух громоздких, уходящих в седую марь дубами, лениво покачивалась женщина. Лишь по светлому, с синими цветами платью, и по огромным, как на иконах, голубым удивлённым глазам, Толик узнал её.

Мальчик провёл его мимо женщины за гамак, за дубы, за сирень, к краю давно непаханого поля. Здесь, посреди лебеды, поднимался росток с резными дубовыми листьями. Толик вспомнил его. Вспомнил он и тот слепящий, солнечный и ветреный день в конце лета, когда они вдвоём пересаживали этот росток на его плоскогорье. Тогда кончались каникулы, они уезжали с дачи и боялись, что пересаженный летом, в августе, дубок завянет. Но он вырос.

Логанчик Миша Повесть

1

Младший регистратор отдела недвижимости районного городка Н Дмитрий Петрович Шапкин услышал краем уха, как отворилась дверь кабинета, и вошедший направился мимо столов других сотрудников в его сторону. Он сердито поднял голову, собираясь дать отповедь посетителю, не заметившему грозное, красными буквами предупреждение «Посторонним вход запрещён», и увидел перед собой высокого, солидного мужчину лет пятидесяти, в дублёнке и ондатровой шапке.

Дмитрий Петрович по заведённым в отделе порядкам открыл было рот, чтобы грозно молвить: «Вы что не видите?», «Запрещено!», «Выйдите немедленно!» или даже «Я сейчас охрану позову!» Но его смутила шапка. С советских времён ещё привык Шапкин, что ондатровые шапки – это что-то вроде погон с золотыми звёздами, но только для гражданских. Где уж этими ушанками-погонами партийное и советское руководство награждало себя, в каком спецраспределителе, за какие заслуги перед народом, и к каким всенародным праздникам, он не ведал. Да и не положено было знать ничего лишнего в те времена простым гражданам о жизни верных ленинцев.

Ко всему прочему посетитель шапку-погоны не снял. И это тоже был верный признак принадлежности к начальству: ломать, мол, тут перед вами шапку я не собираюсь. Волнуясь, мяли в руках головные уборы только простые посетители. Правда и они, по мнению сослуживцев Шапкина, нагтели с каждым годом всё больше и больше. И даже пожилые, ещё в советские времена, в плоть и в кровь, казалось бы, впитавшие трепет перед начальством. Что уж говорить о молодёжи, вообще потерявшей всякий стыд. Для них, в основном, и приготавлилась в отделе остужающая их фраза «Сейчас я охрану позову!»

В первый момент, увидев шапку, Дмитрий Петрович даже собрался было вскочить и вытянуться во фронт, как вытягивался он перед начальником всей регистрационной службы или перед руководителем своего сектора. Но удержался. «Вообще-то, сейчас ондатру каждый может купить. Были б деньги, – мелькало в его голове. – Хотя, с другой стороны, деньги, значит, есть».

Посетитель, тем временем, сверху пристально вглядывался в лицо ёжившегося под его взглядом регистратора.

– Не узнаёшь?

«Кто?.. Неужели мэр?.. Похож... немного... Но что ему делать тут, у моего стола?.. Может из кадастра?.. Нет, я там всех знаю... Наверное, из новых прокурорских, – поднимаясь, на ставшими вдруг ватными ногами, сообразил Шапкин. – Старых-то всех снимали».

– Н-не... не узнаю... из... вините... – промямлил он.

– Ты Шапкин Дмитрий? – продолжал допрос гость.

– Он... То есть я... Короче... тот самый... И есть...

Посетитель решительно обошёл стол и, наклонившись, приобнял регистратора так, как приобнимали в прежние времена друг друга при встрече генеральные секретари коммунистических и социалистических партий. Но лобызаться, в отличие от генсеков, не стал – ни троекратно, ни в два чмока, ни даже разок. Только похлопал Шапкина панибратски по спине, и, разорвав объятия, всё также громогласно, но уже благосклонно воскликнул:

– И теперь не узнаёшь?

– Никак нет! – по-военному почему-то отчеканил Шапкин. И если б мог, отдал бы, наверное, честь и пришёлкнул бы залихватски шпорами – такая радость прозвучала в его голосе.

У младшего регистратора бывали случаи, когда ему пытались напомнить о себе какие-то, якобы забытые им старые знакомые, или даже знакомые знакомых. Заглядывая в глаза, просили они припомнить, как гуляли они когда-то в одной компании, или загорали на курорте на соседних лежаках, или вместе трудились. Или даже гулял, загорал, или работал регистратор не с ними, а с их приятелями, и те настоятельно советовали обратиться именно к нему. Однако Шапкин в компаниях не бывал, отпуска проводил на даче, а всех, с кем когда-то трудился, помнил наперечёт. Поэтому, со всеми этими, якобы знакомыми, он был строг. К тому же он знал, что все попытки напомнить о себе, ведут к одной простой просьбе: помочь побыстрее оформить документы, так как очереди на регистрацию недвижимости в районе были дикие – люди месяцами ждали в очередях.

Однако порядки на счёт ускорения в отделе были строжайшие: за него надо было платить – много и обязательно начальнику. Для сбора этой ускоряющей процесс дани, вокруг отдела кружились, как мухи, прикормленные риелторы, взимающие дань, и вместе с документами, передававшие её, за вычетом посреднических, руководителю отдела. Бывало и так, что посетители совали деньги напрямую регистраторам. Однако и эта мзда не могла исчезнуть бесследно в их карманах, все ручейки и ручеёчки должны были впадать в одно озеро – сейф в кабинете начальника отдела. Взывший подношение, без утайки обязан был нести его в клювике шефу. А тот уже отстёгивал счастливицу его посредническую часть.

В начале установления такого жёсткого, полувоенного режима, случались среди регистраторов поползновения объехать на кривой кобыле озерцо в сейфе. Но где они, эти регистраторы, оседлавшие эту кривую кобылу? Провинившиеся мгновенно были вычислены, имевшим особый нюх на нечистых на руку работников шефом, и в назидание другим безжалостно выброшены на улицу.

Правда Шапкин и до прихода начальника, установившего такую жёсткую, армейскую дисциплину, даже в лихие годы, когда хапали все, кому не лень, взяток не брал. То ли из страха перед уголовным кодексом, то ли из принципиальных соображений – спроси его, он и сам бы затруднился с ответом. И слыл Дмитрий Петрович, поэтому, честным работником. Но и поэтому же, руководство его не любило, обходило с премиями, а о повышении по службе он и вообще не помышлял – досидеть бы младшим регистратором до пенсии. В любимцах ходили, пусть ничего не знающие, но много берущие и подносящие наверх подчинённые.

А Шапкина руководству приходилось терпеть, он был специалистом – знал и помнил все законы, акты, многочисленные подзаконные акты, изменения, исправления и дополнения. Помнил все регистрационные дела за три, пять, и десять лет назад. Знал даже кто из сотрудников, когда, какую папку и в какой шкаф по рассеянности засунул. И был он для начальника, не желавшего знать вообще ничего, и даже считать деньги в озерце приглашавшего бухгалтера, хоть и вредным для коллектива, но незаменимым работником. Этаким неизбежным злом, вроде слякоти под ногами в ноябре.

В общем, даже если и попадались иногда просители, с которыми у Шапкина и было когда-то шапочное знакомство, он всё равно, на всякий случай, их не вспоминал.

– Ну, ты даёшь! – попрекнул его незнакомец. – А ты посмотри повнимательней... институт... молодость...

– Ну, да... ну что-то... вроде... – по-прежнему не узнавая в упитанном, с расплывшейся физиономией и с гордо выпяченным животом посетителе, никого из худых и стройных, как запечатлелось в его памяти, студентов. – По облику... внешне... так сказать... Нет, не припоминаю!

– А по фамилии? Да Баранов я, Баранов! – прикрикнул гость. – Вместе учились. Забыл, что ли?

– А... Баранов... По фамилии – конечно... Нет, не признаю! – вспомнил, но по привычке отказался, на всякий случай, от знакомства Шапкин.

– Так ты признай, – властно потребовал посетитель. – Вовку Григорьева, Сашку Филимоновского, Лидку Ефремову помнишь?

– Ну да, – решил всё-таки сдаться под напором фамилий и лезшей ему в глаза ондатры, Шапкин. – Вспомнил.

– А я смотрю на доске, где у вас кабинеты расписаны, твоя фамилия висит, – начал тыкать пальцем регистратору в грудь, только что заново познакомившийся с ним бывший сокурсник. – Думаю, неужели Димка Шапкин? Вошёл и сразу понял – да, он, Димыч! Ты не представляешь, как я рад! Когда у тебя обед? Бумажки твои подождут, – остановил он его возражения и потащил упирающегося Дмитрия Петровича мимо удивлённых сослуживцев к вешалке с одеждой. – Которая куртка твоя? Есть тут в вашей Тмутаракани какое-нибудь недурственное заведение? Какой-нибудь приличный шалман?

2

Единственным недурственным шалманом рядом с регистрацией, куда, правда, Шапкин захаживал редко, только по праздникам и только с отделом, питаясь прямо на рабочем месте бутербродами и чаем из термоса, было кафе «Буревестник». Заведение общепита с таким крылатым названием и летящей белой птицей на вывеске, с советских времён ещё осталось, наверное, в каждой городке, даже вдали от морских просторов и бурь. Правда, жители N именovali это заведение пренебрежительно, без пафоса: «стекляшка» или «аквариум». Одноэтажное с окнами во всю стену здание, и впрямь оправдывало это название. Да и посетители – и за столиками, и танцующие по вечерам – отдалённо, конечно, и с расстояния, но могли чем-то напоминать рыбёшек за стеклом.

Баранов после объятий, притворных ахов, восторгов и упоминаний о Кольке, Ирке, Наташке и прочих сокурсниках превратился в Вову или просто Володю.

– Какое ещё отчество? Забудь! – шумно возмутился он. – Ты для меня как был Димыч, так и останешься! Навсегда! А я для тебя – Вова! Или просто Володя! Без отчества! До гробовой доски! Вот так!

Вообще-то Димычем Шапкина в институте никто не звал. Прозвище у него было, конечно же, Шляпа, а иногда совсем уж обидно – Головной убор. Он и в самом деле по характеру был «шляпа». Также, как и новоиспечённый Вова или просто Володя, и по характеру, и по своей вузовской кличке, вообще-то был Баран.

В кафе Вова-Володя брезгливо мазнул пальцем по качнувшемуся на железных ножках столику, прижившемуся здесь тоже, наверное, ещё с советских времён, подозвал официанта и заставил его протереть сырой тряпкой пластмассовую столешницу. Затем беззастенчиво содрал с его плеча серовато-белое, в цвет такой же, серовато-беленькой, украшенной немаркими чёрными лацканами, воротничком и манжетами официантской курточки полотенце, и смахнул с давно отслужившего свой срок, а может быть и два, или даже три срока стула, видимые ему только пыль и грязь. Устроившись, Баранов углубился в изучение меню.

Окрещенный Димычем регистратор, жался, мялся, брать в руки меню не стал, сурово заранее приготовившись заказать себе только солянку – обязательное для всех морских и лесных «Буревестников», щедро приправленное томатным соусом и специями варено, из обрезков и остатков, вчерашних недоеденных посетителями колбасных, ветчинных, буженинных и прочих мясных и полумясных блюд – а к ней селёдку с луком и чай.

– Принеси-ка ты нам для начала бутылочку коньячка, – по-прежнему, уставясь в меню и на «ты» велел просто Володя официанту, смиренно стоявшему у столика. – Вот этот, «Пять звёздочек», – ткнул он пальцем в листок. – Ничего приличнее, я вижу, у тебя тут нет. И лимончик.

– Ещё что-нибудь заказывать будете? – услужливо согнулся официант.

– Ты давай, неси. Сказано тебе – для начала. Вернёшься, расскажу тебе подробно – что будем заказывать, а что не будем, – отмахнулся Вова-Володя и снова принялся за изучение, состоявшего всего из одного листочка, меню.

Принесённые вскоре «Пять звёздочек» его неожиданно взбесили.

– Ты что – порядков не знаешь? Бутылка должна быть закупорена! – казалось с кулаками готов он был наброситься на официанта. – Её надо показать мне, чтоб я видел! А потом открывать. Знаю я вас, подавальщиков! Сождёте всякие остатки из бутылок и рюмок и заезжим посетителям втюхиваете. Неси новую!

Официант послушно ушёл и вернулся с закупоренным коньяком. Баранов внимательно осмотрел наклейку, пробку, велел открыть бутылку, взял её в руки, обнюхал горлышко и со сту-

ком водрузил на стол, потребовав убрать приготовленный официантом для её содержимого прозрачный пузатый графинчик.

Обед Вова-Володя заказал не скупясь, обильно, и себе и товарищу, на все его нервные возражения, приговаривая весело:

– Не переживай, я плачу. Нам, профессуре, на коньячок доплачивают. Для мозга полезно, – хохотнул он. – Да, кстати, – вручил он Димычу с золотыми вензелями визитку. – Вдруг что понадобится, так знай – у тебя друг профессор, заведующий кафедрой.

Но, даже выпив с младшим регистратором по рюмке, Вова-Володя не утомился, и когда официант принёс на подносе рыбные салатки и дымящиеся железные миски всё той же, неизменной солянки, устроил ему новый разнос.

– Горячего надо нести отдельно! Горячего не подают вместе с закуской! Горячего надо нести, когда холодного посетитель уже скушает! – Профессор именно так и орал – «горячего» и «холодного», перемежая крики нецензурщиной. – Зови администратора!

Официант послушно привёл своё начальство. Тот был в такой же беловато-серенькой курточке с траурными лацканами, воротником и манжетами, только пониже ростом и потолще. Оба работника сферы обслуживания привычно, с кислыми лицами, выслушали недовольного клиента и унесли «горячего».

– И смотрите, чтобы не эту порцию в микроволновке подогревать, а нового горячего мне приготовить! Когда я прикажу! – кричал им вслед Баранов. – Я студентом на каникулах в ресторане-поплавке халдеем подхалтуривал, – подмигнул он Димычу, знай, мол, наших. – Пока вы, дураки романтики на целине за копейки корячились. Все уловки этой шатии-братии знаю.

Что до Димыча, так тот очень испугался скандала с кафешной шатией-братией. Однажды ему довелось случайно подслушать откровения подвыпившего официанта о том, как тот плевал тайком в закуску куражающемуся клиенту, прикрывая затем слюну майонезом и зеленью. С тех пор, в те редкие случаи, когда он бывал в кафе или ресторанах, Шапкин изо всех сил старался понравиться и даже угодить обслуживающему персоналу.

«Раз эти двое не отвечали на крики, не спорили, – решил он, – значит, наверняка заранее решили плюнуть в закуску, отомстить».

Поэтому, Димыч, даже для виду, не стал ковыряться в салате из сайры с громким названием «По-королевски», боясь испачкать вилку в слюне, и сразу отодвинул вазочку подальше от себя – «монаршьё» кушанье было подозрительно обильно залито майонезом, а сверху зелени петрушка и укроп.

– Рыбы сейчас не хочу, – объяснил он удивлённому Вове. – Потом доем.

Но потом подали мясную и рыбную нарезки, их сменили миски «горячего», тарелки с отбивными. Всё яства были без майонеза и зелени, и регистратор смог безбоязненно как следует закусить и без «королевской» сайры. Под конец пиршества, на сладкое Вова-Володя потребовал мороженое крем-брюле с тёртым шоколадом и бутылку ликёра «Шартрез».

– Помнишь, как мы с девчонками в мороженицу вместо лекций заваливались? – пытал он под десерт бывшего сокурсника. – Я всегда потом Таньку, полненькую такую, ты её должен знать, после этих культпоходов пристраивал. «Шартрез» любила, зараза, – приподнял он, будто тост за Таньку, рюмку с ликёром, и, качнувшись, чуть не пролил её. – Стаканами лакала. Она ещё потом за Санька с младшего курса выскочила.

Однако, ни о том, как пристраивал заразу Таньку Баранов, ни как потом её благодетельствовал Санёк с младшего потока, Шапкин знать не мог – он был не вхож в загульные тусовки. Шапка был типичным бедным студентом – вся учёба в институте сводилась для него лишь к учёбе.

Но «Шартрезу» – этому, как он слышал, эликсиру долголетия – Димыч обрадовался. Ему довелось видеть этот ликёр лишь раз, на устроенной подшефной риэлторской фирмой для их

отдела какой-то презентации непонятно чего. Отведать удививший его едким зелёным цветом напиток, он тогда не успел – единственную бутылку быстро умыкнула со стола и тут же разлила по своим пластмассовым стаканчикам, всюю оттягивавшаяся на мероприятии, развесёлая девичья компашка.

За тягучим и пахучим ликёром выяснилось наконец то, что и должно было выясниться – Баранов совершал сделку с недвижимостью.

– Понимаешь, – делился он своими бедами, – отстроился я ещё в девяностые. Земля с домом развалюхой в деревне по наследству досталась. Избушку снёс, коттедж отгрохал. Шикарный. Теперь оказалось – не там. Место не престижное, от города далеко, газа, водопровода нет, охраны никакой. Зимой залезают всякие гопники, всё переворачивают вверх дном, воруют, ничего оставить нельзя. А в ментовке, сам понимаешь, права не покачаешь, они этих же гопников подошлют, чтобы дом спалили. Знаю я их этих ментов, они и от гопников имеют. Сейчас строю около города. Всё как у людей – охрана, газ, вода. Лесок рядом, озеро недалеко. В общем, всё, как у людей, – повторил Баранов. – А ты чего не ешь? – заметил он вазочку с салатом. – Официант! – позвал он. – Забери-ка свою дрянь, она нам не понравилась. – Профессор проводил взглядом официанта, затем осмотрел почти пустой зал. – Старый коттедж надо продавать, – вновь обратился он к Шапкину. – А с покупателями туго, сам понимаешь – кризис. Но тут подвернулся один – охотник, рыбак, ему как раз такая глухомань подходит. И при деньгах. Я его месяц окучивал. Вроде согласился. Но чую – есть у него другие варианты. Надо срочно дело ковать, пока горячо. А у вас, сам знаешь, очереди. В общем, тебе задание – надо мою сделку быстренько повернуть. По дружбе. Здесь в папке всё, – передал он Димычу через стол документы.

«Вряд ли начальство разрешит мне без взятки твои документы быстренько повернуть. Знакомый, не знакомый – всё равно денег потребует», – довольно здраво для своего состояния подумал регистратор. Но сил, чтобы возражать, спорить, объяснять, что к чему у него не было. Экзотический «ёршик», а вернее даже коктейль – «Пять звёздочек» с «Шартрезом» – сделали своё дело.

– Риелтора для ускорения нанять, сам понимаешь, двести тысяч, не меньше, – продолжал жаловаться его собутыльник. – А тут ты подвернулся.

Изрядно обмякшие, возвращались они к отделу регистрации. Вова-Володя вякнул сигнализацией припаркованного у подъезда шикарного «Лексуса».

– А ты думал, я на электричке в твою дыру прикатил? А что пьяный, не переживай – у меня непроверяйка, – успокоил он вытаращивавшего глаза от удивления Димыча. – Папаша одного студента двоечника подсуетился, сварганил. Так что за меня не бойсь – гаишники с непроверяйкой не обнюхивают. Через неделю приеду. Будь здоров!

3

Была пятница, но возвращаться домой в Баранов не стал. Соврал по телефону жене, что прямо из реестра отправляется в срочную командировку по тому же шоссе, дальше, за городок N, в филиал университета, за двести пятьдесят километров, якобы что-то там случилось, и его присутствия требует ректорат. Но приехал профессор обратно, в свой родной областной центр и завернул в аспирантское общежитие. Недавно он устроил там переселение своей аспирантки из комнаты в отдельную общежитскую квартиру и решил отметить это событие, проведя выходные у неё.

Университет был из новых, выросших как грибы в начале тысячелетия на волне ажиотажа вокруг и около высшего образования. Специализация вуза была модная и востребованная – юристы, связь с общественностью, какая-то и чего-то статистика, психология, социология. Однако специалистов в городе по этим специальностям было немного, профессорско-преподавательский состав пришлось собирать «с миру по нитке», получился он разношёрстным, и существовал, поэтому, этот «новодел универ» вне каких бы то ни было научных школ и безо всяких научных традиций.

Таким же из новых, вне научных школ и традиций, был и профессор Баранов. Когда-то служил он инструктором в райкоме комсомола и усердствовал в идеологии на ниве борьбы с «тлетворным влиянием Запада» и с «кучками империалистических наймитов». Но в мутные годы перестройки быстро перестроился, защитил, используя связи, взятки, подарки и принятые в кругах, где он вращался, бесконечные «поляны», две диссертации – кандидатскую, а потом и докторскую, и перевоплотился в профессора, преподавателя каких-то «совсем уж неточных», как шутили в вузе, наук – что-то вроде связи с общественностью или конфликтологии, по которым в стране вообще тогда не было специалистов.

Личностью Баранов и был противоречивой. С одной стороны – поборник «твёрдой руки», и даже репрессий и даже в некотором роде зверств. «Расстрелять из пушки, как в Корее!» «Повесить, как в Иране!» «Пулю в затылок и в ров, как в тридцать седьмом!» – развлекал он студентов на занятиях и пугал в преподавательской коллег своими смелыми суждениями о некоторых политиках, членах правительства и олигархах. В то же время в повседневной университетской жизни Баранов был полнейший либерал. Здоровался, бывало, со студентами за руку, захаживал порой в их компании в пивные, лапал студенток и очень любил, подменять на лекциях и консультациях преподавание научных знаний, которых у него было немного, кот наплакал, пустой болтовнёй и разглагольствованиями «за жизнь», с пропуском для смачности, очень веселивших студентов, матюгов.

Профессор легко, как само собой разумеющееся, перекладывал на экзаменах из протянутых ему студенческих зачёток деньги в свой карман. «Ставлю хорошо. Вам хорошо и мне хорошо», – похотывал он при этом. «Удовлетворительно. Это значит, что вы меня удовлетворили, а я вас», – так он любил пошутить со студентками. С юношами, которых где-то на подсознательном уровне, как мужчина, считавший, что он ещё «ого-го», профессор ощущал своими соперниками, он был строже, даже старался обидеть их и задеть, и говорил с ними по-другому: «Отлично не ставлю – чем ты отличаешься от других? Такой же тупой». Мог Баранов, как нерадивый студент прогулять лекцию, опоздать, и часто заканчивал обучение задолго до звонка. Хотя звонок в вузе звучал редко, далеко не каждый день – либеральные порядки царили во всём новом универе.

– Димыч для меня всё сделает, бесплатно, – полулёжа в цветастом банном халате на казённом диване, заплетающимся языком втолковывал профессор, вырядившейся в полупрозрачный пеньюар, высокой, жилистой отставной гимнастки-художницы, а нынче его аспи-

рантке Жанне. – Он свой. Что ж мне – двести тысяч платить? Риэлторы за меньшее и пальцем не пошевелят.

– Сейчас, вообще-то, и свои тоже деньги берут, – пыталась возразить аспирантка.

– Безобразие! Очереди на регистрацию по три месяца, – не слушая её, долдонил Баранов. – Расстрелять всех на стадионе – как в Китае! Из пушки – как в Корее! Крокодилам в зоопарке скормить – как в Кампучии! Представляешь, люди в пять утра очередь занимают и на приём не могут попасть! А если прорвутся, их всё равно завернут: бумажка неправильная, подпись не та, согласований нет, ещё чего-нибудь придумают – заматают! Мордуют людей. И всё для того, чтобы взятки платили! Вымогают внаглую! Некоторые годами пороги обивают. У них уже и все правильные бумажки просрочены, по новой надо начинать. Издеваются над народом. Лаврентия Палыча на них нет! Иосифа Висса... ссарионыча! – с трудом выговорил он. – Раньше бы начальника к стенке, а всю эту шуштуру регистраторскую – в лагеря! Золото для страны добывать, каналы рыть! Бездельники, взяточники! Они ж по всей стране специально эти очереди создают, чтоб с народа деньги драть... Но мне этот хмырь Шапкин за тарелку супа всё провернёт. Лохом был, лохом и остался. Мы его в институте Шляпой звали. Весь курс с него скатывал только так. Головной убор! – в голос расхохотался он. – Старался, ночи напролёт перед экзаменами за конспектами просиживал, уставал, круги под глазами в пол лица, ему стипендия позарез нужна была, жить на что-то надо было – бедный студент. Но башка – дом Советов, всё знал! А мы с девчонками гуляли. И кто он сейчас? Лох. А я – профессор. А ведь еле-еле с курса на курс переползал... Шляпа он... свой... – совсем уже отключаясь, продолжал по своей педагогической привычке, бубнить без умолку профессор. – По дружбе обтяпает... Принеси-ка ещё коньячку, – надеясь хоть как-то взбодриться, попросил он.

Когда Жанна прикатила из кухни тележку с бутылкой и фруктами, её научный руководитель, завалившись на бок, уже мирно сопел. Ученица закинула его ноги на диван и подложила под щеку подушечку, чтобы наставнику было удобней почивать. И если это было заботой, так только о том, чтобы он бы не проснулся до утра и не приставал со своими ласками.

– Дурак ты, – наливая себе коньяку, объяснила она жалобно пискнувшему во сне педагогу, видимо снилась тому очередь в регистрацию или людоеды крокодилы в Кампучии. – Свой! Сейчас со своих ещё больше берут. Чужого-то как объегорить? К нему ещё и подъехать надо. А свой – вот он, тут. И доверяет тебе. Кого ж ещё обманывать? Только своих... Ну, а сам-то ты с кого три шкуры дерёшь? Со своих! – вдруг ни с того ни с сего, разъярилась, шёпотом, однако же, отставная гимнастка-художница. – Со своих учеников, со студентов! Кого обманываешь? Тоже своих, домашних! У них отнимаешь – время, деньги, заботу! У своих! И мне, чужой, преподносишь. Люблю-ю, – сложив губы трубочкой, передразнила она учителя. – На хрена мне твоя любовь? Старый, жирный ублюдок! Мне диссертация нужна. Ну и... жильё... – Она проглотила дозу согретого в ладони, дорогого профессорского напитка, и, успокоившись, добавила, откусывая банан: – Сладкоежка... хренов...

4

– Ты ему документики-то наоборот, притормози. Раз уж они тебе в руки попали. И денежки с него потребуй, – плёская поварёшкой на шипящую сковородку жидкое блинное тесто, советовала жена Шапкину. – Такой случай подвернулся! Всё честного из себя строишь, а семья страдает. Хоть раз в жизни возьми на лапу, как человек.

– А что вам страдать? У вас всё есть, – нехотя огрызнулся Шапкин.

Его послеобеденный хмель обернулся к вечеру сильной головной болью. Хотелось добавить чего-нибудь спиртного, чтобы избавиться от неё. Но дома было хоть шаром покати, а в магазин жена не пускала.

– Что у нас есть? Что? – вскипела она. – Квартирка хрущёвка?! Халупа шесть на шесть на шести сотках?! Да ты оглянись кругом – в вашем же реестре каждая вошь по три, по четыре, по пять участков себе оформила! Да ещё и детям по столько же подарила! А дома какие отгрохали! У дочки внуки скоро пойдут! Куда она их на лето отправит?! К родителям нищеводам?! А ездим как? Ишаки! Как ещё только грызу себе не нажили? Кругом люди, как люди – у всех машины! – Она сняла деревянной лопаточкой блин со сковородки и переложила его в тарелку. Взглянув мельком на безучастно уставившегося в окно мужа, она решила не пилить его, а надавить на самое чувствительное. – Давай решим так – эта деньги пойдут на автомобиль. Добавим к накопленному, на первый взнос хватит. И кредит будем потихоньку выплачивать. Ты же всегда боялся, что взятка – это может быть подстава, чтобы с работы тебя уволить, в тюрьму упрятать, чтоб подсидеть тебя, место твоё занять. Так вот сейчас совсем другой случай. Клиент-то свой! Чего робеть? Друг детства, считай, – хмыкнула жена. – В общем – не теряйся!

– Со своего как-то неудобно брать, – попытался Шапкин придумать новую отговорку.

– Неудобно?! – снова взбеленилась супруга. – Неудобно на потолке спать – одеяло сваливается! Ты вспомни, как наша Викочка в таком же университете училась?! По сто пятьдесят тысяч каждый год в кассу! Так мало того – ещё и в каждую учёную волосатую лапу сунь! И уже без счёта! Мы же истрепались, обнищали все! И ты жалеть этого профессора собрался? Да у него денег наворовано – куры не клюют! – Она сняла со сковородки очередной блин и снова решила перейти к уговорам. – Пойми, твоему профессору всё равно без взятки ничего не оформят. Либо ты с него стрясёшь, либо риелторы. Машину купишь, с начальником поделишься – хоть раз жизни ему угодишь. А если будешь просить бесплатно повернуть, он решит, что ты всё себе хапнул, – придумала она новый довод. – Под зад коленом тебе поддаст и полетишь с работы как миленький. Пойми начальнику всё равно, кто ему поднесёт. Тебе не всё равно. Свой! Если уж этот профессор такой свой, пусть ещё и отдельно тысяча пятьдесят тебе лично поднесёт – за безопасность, за то, что ты тоже свой, и не кинешь. В общем, так, – она отложила поварёшку и грозно уткнула руки в боки, – если ты эти деньги прохлопаешь, домой лучше не приходи. В этой своей конторе и ночуй.

Шапкин хоть и возражал, но понимал жена права – без взятки Баранова замотают с документами, заставят собирать и переделывать справки, разрешения, сидеть в очередях месяца два, три, четыре, пока не он догадается, что надо платить. А шефу и в самом деле без разницы, кто пополнит его озерцо в сейфе – Шапкин или риелторы.

Подбивая мужа на взятку, жена затронула самую больную его струнку – он мечтал о машине. И даже не потому, что ему постоянно приходилось возить на дачу в автобусе тяжести. Он привык таскать на себе вещи, рассаду, банки с соленьями, вареньями. С самым громоздким помогали сердобольные соседи. Здесь было другое, это была мечта.

Перед тем, как заснуть, он долго ворочался, вспоминал свои, детские поездки с родителями в деревню. Счастливый отец за рулём зелёного, как кузнечик, тарахтящего «Запорожца». Рядом с ним в лёгком цветастом платье мама. Двери в «Запорожце» были только у первого

ряда сидений, и им с младшей сестрёнкой укладывали сзади у боковых стенок машины подушечки, чтобы они могли в дороге поспать. Они укладывались валетом, на коротком сиденье надо было подтягивать колёнки, сворачиваться калачиком. Сестричка вредничала и пихала его своими сандаликами, показывая, что ей тесно. Он уступал ей, вставал. Она как обезьянка поднималась тоже. И оба они, глядя из-за спинок сидений на дорогу впереди, начинали гудеть и реветь – натужно, как два моторчика, и старательно крутить воображаемые рули. Потом сестричка решала, что пора петь песни, мама подтягивала. Когда её скучный детский репертуарчик заканчивался, малышка, уже без всяких слов, пищала и кричала, считая это тоже весёлой песенкой. Потом и это ей надоедало, и они снова вдвоём начинали гудеть как моторчики и крутить воображаемые рули. Родители не останавливали их, только смеялись.

Двигатель в «Запорожце» постоянно перегревался, дымился, отец тормозил, и они сестрёнкой с маленькими цветастыми ведёрками в руках, бегали к какой-нибудь луже, или слезали с обочины вниз, к канаве, в зелёную сочную осоку, а потом охлаждали шипящий мотор, поливая и брызгая на него водой.

И эти поездки, дорога, проплывающие за окном верхушки деревьев, лежащая тихо сандаликом сестричка, песни, гудение, остановки, лазания к канаве и все эти отцовские мучения с мотором, вспоминались сейчас, как счастье.

«В детстве беспричинной радости много, потом её становится всё меньше и меньше. У взрослых её вообще, – размышлял Шапкин. – И чтобы вернуть её, люди придумывают себе всякие штучки: дорогие покупки, курорты, каких-то любовниц, любовников. А счастье снаружи всё равно не приходит. И внутри оно кончилось».

«Мне, например, „Лексус“ не нужен, – вовсе не относя к себе свои же соображения о достижении счастья, теперь, когда недавно ещё несбыточная мечта могла, наконец, воплотиться в жизнь, очень конкретно размышлял Шапкин. – Я хочу простую, надёжную машину – „Логан“. Цвет возьму тёмно-серый металлик – красивый и немаркий. Назову его Мишей. Пусть будет „Логанчик Миша“. Жена права – это случай. Баранов свой, не подставит, не подведёт. Объясню ему, что без подмазки ничего не получится. Он умный человек, учёный – поймёт. Не я эти порядки устанавливал. А машину пора купить. Действительно – а вдруг дочка родит! К ней мотаться придётся, с ребёнком помогать, на дачу, на воздух его возить».

Дочка, закончив университет, осталась жить в областном центре. Из-за неё у родителей никак и не складывалось накопить на машину. Вначале всё без остатка уходило на учёбу. Но и затем, когда она стала зарабатывать, приходилось ей помогать. Вика уцепилась, именно так и говорила жена – «уцепилась» – за клерка в банке, где она работала операционисткой. Отзывалась мать о положении дочери так пренебрежительно, оттого что брак был гражданским. И чтобы это непрочное сожительство в одночасье вдруг не развалилось, а наоборот, превратилось в официально зарегистрированный союз, родители давали ей на достойную, по меркам молодых банковских клерков, жизнь – на съёмную квартиру, на заграничный отпуск, на бары, ночные клубы, фитнес, на ланчи в кафе. Вика, из-за неустойчивого положения сожительницы, была вся на нервах, денег не просила, а требовала, и злилась, что мало дают.

Та же история, вспоминал Шапкин, была и с подругой жены Шапкина. «Всё в сына вкладывала, – вздыхая, жаловалась она у них на кухне за чаем. – Холила, лелеяла, пылинки сдувала. Одна растила, от всех неприятностей оберегала, от себя кусок отрывала. Жила для Игорюнечки, а он теперь меня даже чурается. Парадокс!»

«Какой парадокс? – мысленно спорил с ней Шапкин – вслух-то высказывать своё мнение ему не позволялось. – Всё правильно. Раньше ты все прихоти его обеспечивала – игрушки не игрушки, конфеты не конфеты. А теперь запросы дороже: шмотки, и мамочке сыночка, да ещё и его девушку уже не потянуть. А в башке-то у него втемяшилось – обязана обеспечивать. И вывод у сынули простой: мамочка плохая. Вот и нашей Викочке всё побогаче родителей хочется, чтобы клерк её крепче любил».

И уже засыпая, Шапкин определился окончательно:
«Надо брать деньги. Всё как-то одно к одному складывается».

5

На следующее утро Шапкин направился в автомобильный центр. Весна напомнила ему о себе вовсе не набухшими почками и пробивающимися на газонах зелёными травинками, а грязью, множеством вылезших из-под снега бумажек, пакетов и собачьих отметин.

«Ведь кто-то же этот листок бросил? – возмутился любящий во всём порядок Шапкин. – А дворники-гастарбайтеры где они? С утра часик метлой помашут – и нет их. А всё потому что начальнику треть своей зарплаты отстёгивают. И считают при этом: я ему плачу, пусть сам и метёт. Работали бы по восемь часов, как мы, было б чисто. Они у себя-то в грязи живут, чего от них ждать? – вспомнил он свою студенческую целину. – В ауле дети голые в пыли возюкаются, тут же собаки лежат, а рядом озеро. И никто не купается, ничего не моет, не стирает. Скоро и у нас, как у них, пыльные бури начнутся. Отдали бы всё это на откуп нашим женщинам – вот уж кто обожает чистоту наводить, – представил он выскобленные до белизны полы в избе, в деревне, откуда были его родители, накрахмаленное, белоснежное бельё на кроватях, пахнущие свежестью полотенца, занавески, стиранные-перестиранные разноцветные тканевые половички, дорожки, коврики по всему дому, да и свою нынешнюю блистающую, без пылинки квартиру. – Но местные отдавать треть зарплаты этим вора́м управдомам не станут. Вот они их на работу и не берут. И машины, для уборки снега и грязи тоже не закупают – с железки откат не возмёшь. Им всем нужны гастарбайтеры, и чтоб побольше».

В автомобильном центре Шапкина уже знали и за глаза подсмеивались над ним. Он являлся туда постоянно, но только осматривал, ощупывал выставленные на продажу машины, открывал капоты, багажники, сидел на месте водителя и пассажиров. Дома он прочитывал в интернете сотни отзывов о различных моделях, изучал автомобильные сайты – Шапкин выбирал. И предпочёл, в конце концов, всему автомобильному разнообразию и великолепию скромный «Логан».

«Да, конечно, с дизайном не очень. Но кому он нужен этот дизайн? – убеждал сам себя регистратор. – Кого волнует, что „обновлённая решётка радиатора добавила автомобилю агрессивности“? Автомобиль что после этого, кусать нарушителей, что ли стал? – мысленно смеялся он над очередной заказной статейкой. – Форму фар без конца меняют. Глупцы. Просторный салон – это важно. Дешёвый – вообще самое главное. Крепкий, надёжный – что ещё требуется?»

Сегодня он впервые напросился на тест-драйв.

– Зачем вам? – удивился высокий и высокомерный продавец. На его бейджике на уровне своего носа Шапкин прочёл: «Старший консультант Пётр Кёр».

– Покупаю. «Логан», – солидно заявил младший регистратор. – Может быть даже в этом месяце.

Однако продавец не оценил по достоинству ни выбор покупателя, ни его важный тон. Он считал себя крупным знатоком различных двигателей, коробок передач, электронных опций, кузовов и салонов. Был в курсе всех последних дизайнерских разработок и технических новинок на рынке авто. И эти обширные знания, как он полагал, просто вынуждали его с нескрываемым презрением относиться и к примитивным бюджетным моделям, и к тем, кто их приобретал.

Консультант смерил Шапкина равнодушным взглядом, надел зелёную фирменную куртку, и, широко шагая впереди, повёл его на площадку, где стояли машины для испытаний.

«Что за фамилия? Вроде не китаец, не кореец. Это у тех всё коротко – Ким, Пак, Ли. Да ещё и Пётр. Вот угораздило, сразу два „ё“ – в имени и фамилии. Путаница, наверное, у него с документами, – с трудом поспевал Шапкин за консультантом. – Организации часто выписывают бумаги с буквой „е“ вместо „ё“. Доказывай потом, что это тебе выдали. В наследство,

наверное, этому Кёру только через суд придётся вступать», – посочувствовал старшему консультанту опытный в подобных делах младший регистратор.

– Вот мой спорт-кар, – проходя мимо приземистого, оранжевого, будто пожарный, автомобиля, небрежно махнул рукой продавец.

«Какой низенький! – поразился младший регистратор. – Водителю, наверное, кажется, что он прямо на асфальте сидит».

Однако, у оклеенного рекламами тестового «Логана» настал уже черёд удивляться тонкому ценителю двигателей и опций. Покупатель презренной модели оказался ещё и чудачком – он напрочь отказался садиться за руль.

– Тест-драйв – это поездка! – возмутился продавец. – Зачем мы тогда сюда пришли? Осмотреть машину можно было и в помещении. Или у вас прав нет?

– Есть права. Давно получил. На отцовском «Запорожце» ездить учился, – с гордостью заявил Шапкин.

– На «Запоре»? Легендарная тачка – сплошной анекдот! – расхохотался продавец. – Садитесь, не бойтесь, – распахнул он дверь тестового «Логанчика». – Такая же консервная банка только побольше – то же управление, те же приборы. Если что, я вам подскажу.

«Это у тебя консервная банка. У „Логана“ хотя бы двери четыре. Вот у твоего спорткара, как у „Запорожца“, только две. А место пассажирское и вообще только одно», – мысленно заступился за облюбованную им модель Шапкин.

– Нет, не сяду, – заупрямился он. – А вдруг я в аварию попаду. И мне придётся за ремонт платить. У меня, понимаете, денег в обрез. Придётся вам меня повозить.

«Лох! Лохановод! Так дрожать над своими копейками! – садясь за руль, мысленно возмутился консультант. – Это тебе не дамочка, вчера, на тест-драйве на джипе мне лично тыщонку подарившая – за мои знания, за то, что я вывернулся перед ней наизнанку. От этих лохов никогда ничего не обломится. Всегда будут требовать, чтобы их обслуживали бесплатно. Но возить их на „Логане“ – это уже перебор!»

Продавец, всем своим видом показывая недовольство, проехал с Шапкиным по пустынным в субботнее утро улицам. Но когда он повернул обратно к салону, пассажир неожиданно заявил:

– А по гребёнке поехать? На тест-драйвах положено. Чтобы я подвеску мог оценить.

– Какая ещё подвеска – вы что кроссовер выбираете? К тому мы всё уже испытали – в нашем городе любая улица «гребёнка», – шуткой попытался консультант отделаться от назойливого покупателя.

Но не тут-то было: Шапкин настоял на своём. Понравившуюся ему «гребёнку», они нашли на окраине – это была дорога к гаражам. По таким ухабам и ямам могли бы испытываться даже танки.

«Отличный автомобиль! – шагая домой, радовался Шапкин. – И на грунтовой дороге, и на шоссе прекрасно себя ведёт. Правильный выбор!»

6

Ровно через неделю, как и договаривались, Баранов во второй раз побывал у Шапкина в отделе. А вечером уже бушевал в аспирантской квартирке у Жанны.

– Я ему покажу двести штук! – тряс он перед её носом бумажной салфеткой из «Буревестника», с начертанными на ней нетвёрдой рукой регистратора криво-косо цифрами. – Посмотри, посмотри! Видела? Взяточник! Подлец! Я его выведу на чистую воду! Вот скажи – можно что-то сделать в этой стране с такими подлецами чиновниками!

– Но ведь он, вроде бы, пообещал оформить сделку, – попыталась почему-то защитить незнакомого ей Шляпу Жанна.

– Пообещал?! За такие деньги! Что ты понимаешь? Пройдоха! Мздоимец! Я его накажу! Сурово накажу. Отомщу! И за себя, и за всех тех, кто у них там, в очереди месяцами томится! У кого они взятки не мытьём, так катаньем вымогают! Совсем оборзели сволочи! А должность-то, должность – младший регистратор! Как был лохом, так и остался! В институте у всех в услужении был, пресмыкался, а теперь что-то из себя строит! Шляпа! Зря я его в ресторане поил, кормил! Дважды! Расстреливать таких надо! Сталина на этих чиновников нет, Берии!

«Странный этот старпёр, – молча пожала плечами Жанна. – Вроде русский, а хочет, чтобы нами правили какие-то живодёры грузины. По СССР вместе со всей этой бывшей партийной шоблой тоскует. Снова на всяких эстонцев и таджиков русских горбатиться заставить хотят. И сами, как раньше – смотрящими за грабежом собственного народа жирно кормиться мечтают. Думает, мы забыли, как нам кусок колбасы купить было негде, а они пайками райкомовскими обжирались? И со своими семьями из санаториев не вылезали. Думает, забыли во что, всё это их „братство народов“ вылилось? Видел бы, как моего соседа парнишку эти дехкане кетменями изрубили только за то, что он русский! Или как меня пятнадцатилетнюю всей стаей прямо посреди улицы распяли! Навсегда забыл бы про свой интернационализм. Теперь толерантности, учит, подонок. Что мы должны терпеть, что забыть – убийства, грабежи, изнасилования? На хрен нам все эти ваши генералы с вашими танками и самолётами, если они одного, конкретного ребёнка защитить не могут! Свои вышки только, нефтяные, тренируются защищать! Потребовало государство выдачи хоть кого-нибудь из этих бандитов? Или может, спецслужбы разыскали и уничтожили их всех по одному, как это израильтяне делают? Наоборот – сюда их всех, в гости приглашали. Чтоб мы здесь на каждом шагу их дикие вопли слушали и на тупые рожи смотрели. Дебилы».

Нельзя сказать, чтобы Баранов был уж очень удивлён случившимся. Он был тёртый калач. Перед тем, как первый раз с притворно удивлённым и радостным видом явиться в кабинет бывшего сокурсника, профессор заглянул в риэлторскую конторку, «сотрудничавшую» с реестром. И выяснил, что оформление сделки с его коттеджем обойдётся в двести тысяч рублей. Он, как свои пять пальцев знавший всю систему взяток, распилов, откатов и прочих тёмных делишек, понимал, что часть суммы отойдёт конторке, остальное предназначено начальнику реестра. Не зря же этой фирмочке дают там пастись. На ней профессор и собирался сэкономить. Мимо риэлторов по дружбе поднести конвертик с деньгами напрямую шефу должен был Шляпа. И стоять это должно было, конечно, не двести штук, а меньше. Но этот прохвост огорчил его, запросив ту же самую сумму! Ясно было, что он намеревался заработать на нём, на Баранове.

Профессор был возмущён, оскорблён. Этот безответный Шляпа, который просто по жизни всегда был должен и ему, и вообще, таким как он, ещё что-то потребовал! Заработать на нём захотел! Да даже если ему что-то и нужно, только он, Баранов, может определять – что и сколько. А он уже решил – коньяк и солянка этому лоху достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.